

Сова чувствовал тошноту, когда тихо пробирался по жутким улицам квартала Учиха, осторожно ступая и перепрыгивая со стропила на фонарь и мусорный бак, чтобы не испачкаться в крови товарищей. Через каждые несколько футов он натыкался на очередное тело, прыгал к нему и проверял пульс, хоть какой-то намек на жизнь. Если такового не находилось, он стискивал зубы и кусал внутреннюю сторону щеки, чтобы не срыгнуть, и перекладывал тело на спину, скрещая еще теплые руки на груди в знак того, что это тело уже проверяли.

Его чакра была повсюду. Учиха Итаци, восходящая звезда АНБУ. Тринадцатилетнее чудо. Будучи старшим членом АНБУ, Сова (естественно) пересекался с самым молодым его членом, и он с ужасом осознал, что не заметил предупреждающих знаков, не увидел ни малейшего намека на то, что ребенок может совершить нечто подобное - подобное! Мысль о том, что все мужчины, женщины и подростки, которые смотрят на этот хаос вместе с ним, думают о том же самом, ничуть не утешила АНБУ в птичьей маске.

Еще одно тело - молодая девушка, вероятно, пятнадцати или шестнадцати лет. Сова перевернул ее на спину и вздохнул, когда понял, что ее горло разорвано. Мертва.

Чуть меньше половины АНБУ печально пробирались через место бойни, проверяя человека за человеком. Костяк команды был отправлен охранять деревню, а остальные отправились в погоню за Психонуттом Максскридулом в надежде поймать его. На след вышли все следопыты АНБУ, а также знаменитый бывший АНБУ Хатаке "Пес" Какаши, который, по слухам, мог выследить крота с воздушного шара.

Они нашли того, кто поднял тревогу, - он успел протащить себя несколько футов до алькова, оставив после себя значительное количество крови и внутренностей, и использовал последние остатки чакры, чтобы поднять тревогу в деревне. Он как раз выдыхал последние силы, когда на помощь прибыли первые АНБУ - пока что он был самым долгоживущим Учихой из всех, кого им удалось найти.

Сова оставил девушку на месте и продолжил свой путь, в конце концов забредя в специфический затемненный дом со зловеще приоткрытой дверью. На первый взгляд дом был пуст, нетронут, как будто его обитатели только что вышли поужинать или повидаться с друзьями. Обувь с разной степенью аккуратности стояла у двери, пальто были беспорядочно разбросаны по спинкам стульев и аккуратно развешаны на крючках, а на кухне кипела кастрюля, и запах горелого риса наполнял комнату. Сова вздохнула и выключила плиту, бросив взгляд на полуразрезанные овощи на доске рядом. Готовящий еду был застигнут врасплох, но тела здесь не было.

На мгновение мелькнула надежда, что Итаци не такой уж и псих - может, его собственную мать пощадили? - Но, пройдя дальше в дом, он мрачно напомнил себе, что здесь воняет кровью.

Он нашел их в гостиной, и Сова, осторожно распахнув дверь, спокойно отбросил все остатки веры в здравомыслие прониры - на полу лежали его ближайшие родственники, сгорбившись и макаясь в собственную кровь. Женщина - симпатичная, как он убедился, когда перевернул ее, чтобы проверить, жива ли она, - из своего положения протягивала руки вниз, словно желая

погладить сына по щеке, поприветствовать его дома. Убил ли он ее до того, как она прикоснулась к нему, или же зарубил, почувствовав ее ласку?

Отец стоял на коленях, где и сейчас, решил АНБУ. Он был вторым в этой комнате, кто пал под клинком своего наследника. Выражение удивления и гнева навечно застыло в его чертах, застыв в смерти, и Сова отступила, оставив его наедине с собой.

Тяжело вздохнув, мужчина средних лет опустился на колени рядом с последним телом - жалким, маленьким, распростертым на полу, с остекленевшими глазами, с ужасом взирающими на то, что, должно быть, было ужасающим последним зрелищем.

"Ах, черт", - сказал человек в маске, положив руку на маленькую темную голову, с сожалением ощущая последний томительный жар, который когда-то был жизнью. "Бедный ребенок".

Как и в случае с остальными, Сова перевернул крошечное тельце и уложил его на спину, но прежде чем ему это удалось, ребенок издал хныкающий звук и дважды судорожно дернулся.

"Н-нет", - раздалось прерывистое, жалобное мычание. "Н-нии-са..."

Сова удивленно отпрыгнула назад с девичьим криком. "Ааа!" Затем, почти мгновенно придя в себя. "Ты жива! ОЙ! ЗДЕСЬ ЕСТЬ ОДИН ЖИВОЙ! ГДЕ БАРСУК?"

Он положил крепкие руки на мальчика, не давая ему двигаться, и осмотрел его с ног до головы, ища повреждения. Конечно, времени у них было немного - Итачи был ассасином, он умел эффективно убивать людей. Так что этому парню, должно быть, безумно повезло - все равно, если он будет ждать медика, парень может сейчас умереть от ран, и все будет потеряно...

К огромному удивлению Совы, осмотр не выявил никаких зияющих кровоточащих ран, хотя мальчик был пропитан жизненной жидкостью - разумеется, его родителей, - но это означало, что Итачи оставил его в живых, чтобы он увидел, а может, даже заставил посмотреть, что подросток сделал с его собственной семьей.

"Вот больной", - пробормотал Сова, подхватил мальчика и побежал с ним, встретив на улице двух медиков, которых привели те, кто слышал его крики. "Лучше бы они, черт возьми, поймали его".

официальный лидер группы слежения под кодовым названием "Бладхаунд" поклялся и ударил кулаком в ближайшее дерево с силой, достаточной для того, чтобы раздробить костяшки пальцев. С криком, не имеющим ничего общего с травмой, он опустился на колени на ветку дерева, на которой они балансировали, и прислонил голову в маске к основному стволу. "Черт побери..."

"Ничего, босс", - сообщил маленький мопс, единственный член группы без фарфоровой маски. "Мы его потеряли. Парень - призрак".

Какаши тяжело вздохнул - он знал. Итачи хорошо обучили замечать следы, и он умел это делать - лучше многих. Он знал, как ходить налегке, как придерживаться земли, на которой его запах долго не задержится, и как сделать так, чтобы чакра не прилипла к окружению и не оставляла следов. Кроме того, он был маленьким и легким, что позволяло ему пролезать туда, куда не могли пробраться его преследователи, и оставлять на земле не такие следы, как любой другой призрак.

"Бесполезно, - с горечью сказал Олень, другой следопыт. "Мы его потеряли".

Какаши кивнул, положив руку на спину их лидера. "Давайте вернемся", - вздохнул он. "Это бой для другого дня".

Наступила пауза, затем Бладхаунд жалобно кивнул и встал. "Я сам тренировал этого чертова мальчишку", - пробормотал он. "Я должен быть в состоянии найти его".

"Его учитель сделал ему честь", - тихо прокомментировал Сокол, и Какаши отпустил собак.

"Давайте сюда", - сказал он, направляясь к дому.

В Коноху они возвращались с трудом, ярость уходила, оставляя место вине и печали, которые им, АНБУ, не разрешалось показывать. Какаши повернулся к Бладхаунду, когда они добрались до штаб-квартиры АНБУ.

"Я пойду отдам отчет Хокаге-сама. Ты можешь отдать свой завтра. Сейчас уже слишком поздно, чтобы он мог выслушать нас обоих".

Бладхаунд лишь рассеянно кивнул, даже не заметив, что должен сказать это именно Какаши. Да и кто будет спорить с Псом, пенсионер он или нет?